

XXIII ЕРШОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
научной конференции
5 - 6 марта

Часть II

Ишим
2013

В.М. Пивоев,
г. Петрозаводск, Российская Федерация

Вероятностной истиной считают такое утверждение, истинность которого оценивают в процентах или иных условных оценках. Многие считают, что «точные науки объективны, неточные – субъективны» [1], доказывая это тем, что первые можно перепроверить, вторые – нет. Действительно, как можно говорить об истинности в искусстве или в психологии?! Английский психолог Крис Фрит стремится защитить психологию от негативного отношения к своей дисциплине на этом основании. Чтобы избежать обвинений во вненаучности, многие психологи топчутся на границе с физиологией, стремясь опереться на ее методы, позволяющие обосновать достоверность и истинность своих результатов на количественных характеристиках, полученных в результате наблюдений и измерения.

Р. Декарт ввел принцип «субъективной достоверности», то есть требовал отказаться от любых чужих мнений или знаний, принятых на веру в результате традиции, обычая или примера, но опереться на непосредственную достоверность, основанную на проверке светом разума, критическим сомнением и мышлением познающего субъекта [2].

Размышляя о различиях в способах достоверности, достигаемой в математике и в метафизике, Кант указывал, что «в первой объект рассматривается в чувственно воспринимаемых знаках *in concreto*, а во второй – всегда только в общих отвлеченных понятиях, ясность которых далеко не такая, как ясность математических знаков» [3]. Кроме того, наука пытается оперировать однозначными терминами, подчиняющимися логическому закону самождественности, тогда как обыденный язык – многозначен. В реальности науке не всегда удается обеспечить однозначность, нередко метафорическое высказывание точнее выражает суть дела. Одно и то же слово может иметь много значений, которые интерпретируются на основе контекста. Особенно это характерно для гуманитарных наук, из чего проистекают трудности установления объективной истинности.

Ученые-естествоиспытатели, используя рационально-логический метод мышления, совершают ошибку, которую допустил когда-то Зенон Элейский – отождествление движения и покоя. Математическая операция интегрирования пытается суммировать бесконечно малые единички, создавая целое, не обращая внимания на существенный момент превращения дискретного в континуальное, отмахиваясь от понимания существа этого процесса.

Итак, одним из главных критериев научного знания является «истинность». Существует несколько точек зрения как на саму «истину», так и на критерии истинности. Различают истину абсолютную, относительную, объективную, «размытую» и вероятностную. Обычно говорят об относительности и объективности, хотя иногда и претендуют на

абсолютность. «Размытыми» истинами называют сведения об объектах, чьи границы определить точно невозможно, например, туман, облако. А вот «вероятностная» истинность относится к числу спорных, дискуссионных. Не все философы признают за нею право считаться истиной. Речь идет о степени обоснованности, оцениваемой в каких-то условных мерах, или единицах, например, в процентах. Полное обоснование оценивается в сто процентов. Иммануил Кант предлагал оценивать уверенность человека в своей правоте в гульденах, которые человек, заключая пари, готов внести в заклад, ручаясь за свое утверждение. Он требовал различать мнение, веру и знание. «Мнение» есть также утверждение чего-то истинным, что не обосновано и с субъективной, и с объективной сторон. Если же признание истинности обосновано только с субъективной стороны, но не имеет объективных оснований, – это Кант называет «верою». Для «знания» необходимо субъективное и объективное обоснование истинности. Причем «субъективная достаточность называется *убеждением* (для меня самого), а объективная достаточность – *достоверностью* (для каждого)» [4]. «Обычным критерием для того, чтобы узнать, составляет ли чье-нибудь утверждение только уверенность или по крайней мере субъективное убеждение, т. е. твердую веру, служит *пари*. Нередко человек высказывает свои положения с таким самоуверенным и непреклонным упорством, что кажется, будто у него нет никаких сомнений в истинности их. Но пари приводит его в замешательство. Иногда оказывается, что уверенности у него достаточно, чтобы оценить ее только в один дукат, но не в десять дукатов, так как рискнуть одним дукатом он еще решает, но только при ставке в десять дукатов он видит то, что прежде не замечал, а именно что он, вполне возможно, ошибается» [5].

Термин «истина» не вполне подходит для описания переживаний человека и его рефлексии по этому поводу. Здесь можно говорить разве что о «достоверности» его опыта и переживаний. При этом иногда употребляют термин «мягкий факт» в отличие от «твердого факта».

Для естественных и технических наук «мягкие факты» совершенно неприемлемы, их отбрасывают, не принимают во внимание. И это вполне понятно и оправдано, поскольку для этих наук необходимы точные и однозначные сведения, на основе которых можно предпринимать действия, прогнозируя с полной уверенностью результаты, чтобы не тратить ресурсы без пользы. А в гуманитарных науках такие факты могут и должны быть учтены.

Между тем, в обыденном сознании «мягкие факты» в виде слухов, сплетен, предрассудков часто оказывают решающее влияние на выбор форм поведения и поступков. Реклама нередко

представляет преувеличенную информацию о достоинствах предлагаемого товара, побуждая его купить. Мощным заражающим и стимулирующим воздействием обладают политические лозунги, пропагандистские и агитационные акции. Социopsихологи знают – чем плотнее человеческая масса, тем она агрессивнее и эмоциональнее реагирует на провокационные призывы вожаков. Пейролингвистическое программирование внушает доверчивым людям установки на такие поступки, которые в нормальном состоянии они не совершат. Еще больше сложностей возникает с осмыслением феноменов измененных состояний сознания.

В математике употребляют понятие «нечеткое множество» (*fuzzyset*) [6], или «размытые» множества (например, облако как объект изучения в метеорологии).

Во время теледебатов перед выборами два кандидата на высшую должность оцениваются телезрителями-избирателями лишь по внешним признакам: интонации, жесты, мимика, телодвижения, – вызывая симпатию или антипатию. Открытость, уверенность, основательность, информированность, находчивость, толерантность – вот что производит положительное впечатление. Все это не вписывается в методологию рационализма и формальной логики.

Каковы основания для убедительности? В устном тексте используется эмоциональное заражение и внушение, однако только энергии и эмоций недостаточно. В письменном тексте убедительность обеспечивается логикой и проверенными фактами. Требуется логическая непротиворечивость, которая не всегда видна. Проверка на практике также не всегда возможна [7].

А.Ю. Складаров пишет о субъективно или гипотетико-вероятностном знании: «в процессе принятия какого-либо решения человек прогнозирует возможные результаты того или иного развития событий (в частности, и своих поступков), оценивая при этом вероятность реализации этих результатов» [8].

Виды знания в гуманитарных науках:

- мифологическое;
- гипотетическое (предположительное);
- прогностическое;
- религиозное (мистический опыт);
- медитативное (переживание на основе правого полушария и «ночного сознания»);
- интуитивное (на основе неосознаваемого и трудно вербализуемого левым полушарием опыта правого полушария)
- художественное (вымышленное: сказка, фантастика, фэнтези);
- слухи, сплетни, социальные утопии;
- аксиологическое (опосредованно связанное с индивидуальными или социальными потребностями).

Вероятностное знание, даже будучи обоснованным недостаточно, оказывает огромное влияние на общественное сознание, особенно на обыденное сознание, социально-психологический уровень общественного сознания. Оно играет важную роль в освоении мира, которое происходит

при сопоставлении неизвестного с известным, что ослабляет страхи и тревожность, успокаивает. Г.А. Геворкян полагает, что знанием является достоверное сведение о мире, поскольку имеются основания утверждать, что его истинность полностью установлена. Соответственно, «знание вероятно, если у нас имеется не полное, а только некоторое основание считать его истинным, так что оно нуждается в дальнейшем обосновании (доказательстве), и поэтому... оно вызывает в нас определенную уверенность, но мы готовы к тому, что эта уверенность не оправдается» [9].

Р. Карнап представил понятие вероятности в двух аспектах: объективном и субъективном. Согласно этому подходу эти виды вероятности можно представить так:

- объективная (или статистическая) вероятность опирается на относительную частоту встречаемости в массовых явлениях;

- субъективная (или личная) вероятность, представляющая собой степень доверия субъекта к высказыванию или явлению.

Субъективная вероятность, в свою очередь, распадается на две разновидности:

а) вероятность в смысле реальной степени доверия, которая характерна для психологического состояния субъекта при определенных ситуациях, когда он стоит перед выбором между альтернативными стратегиями;

б) вероятность в смысле рациональной степени доверия, которая проявляется тогда, когда исследуется не просто поведение субъекта в определенных ситуациях, а происходит переход к исследованию тех объективных свидетельств, которые лежат в его основе; устанавливается рациональность степени того доверия, которое оказывает субъект познания к явлению или высказыванию.

Воспринимая любую информацию, человек автоматически включает процесс верификации (проверки достоверности). При этом учитывается два момента: 1) авторитетность источника информации; и 2) вписывается ли она в наш жизненный опыт. Если авторитетность источника велика, но в жизненный опыт это не укладывается, то информация оценивается в процентах 50/50. В случае появления дополнительных сведений в пользу достоверности этой информации доверие к ней может увеличиваться вплоть до 100%. В последнем случае она считается вполне подтвержденной и достоверной.

В искусстве имеет смысл говорить не об истинности, а о субъективно-объективной достоверности, ценности и убедительности правдоподобия. Причем, объективность удостоверяется общественным сознанием и социальной практикой.

В гуманитарном знании можно пользоваться гипотезами на правах достоверных или относительно проверенных теорий, потому что гуманитарное знание связано с решением «вероятностных» проблем. Вспомним «Поэтику» Аристотеля: «задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы

быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости» [10]. В связи с этим можно говорить о «вероятностной (или конвенциональной) истине», то есть об истине, достоверность которой может быть оценена, например, в процентах (от 50 до 100). По мере увеличения доверия к гипотезе на основе дополнительной подтверждающей информации, можно более широко пользоваться ею для вероятностных теоретических построений. Или взять, например, религию: вера не требует в качестве основания материальных или физических фактов, вполне достаточно очевидности субъективного опыта личных переживаний или авторитета традиций, которые отвечают на потребности в надежде, в «приукрашенной» ценностной картине мира. Что с того, что в физическом мире нет подтверждения или опровержения этому субъективному опыту переживаний?!

Следовательно, мы видим различие оснований достоверности естественнонаучного (или практического) знания и гуманитарного. Если для естественнонаучного знания, предназначенного для использования в практической деятельности действует правило «семь раз отмерь, один раз отрежь», потому что последствия ошибки могут быть непоправимыми, привести к гибели, то в гуманитарном знании достоверность может иметь совсем иные основания. В гуманитарном знании можно пользоваться гипотезами на правах относительно проверенных теорий, потому что гуманитарное знание часто решает вероятностные проблемы. В связи с этим можно говорить о «вероятностной» истине. По мере увеличения доверия к фактам на основе дополнительной подтверждающей информации можно более широко пользоваться ими для вероятных теоретических построений (отдавая ответ в степени их достоверности). Часто основой достоверности в духовной сфере является индивидуальный опыт переживания, как это характерно для религии. В сфере художественной культуры достоверность часто замещается правдоподобием. Структуралисты различали «референтное», «логическое», «поэтическое (риторическое)» и «топическое» правдоподобие [11]. Хорошо сказал об этом О.Э. Мандельштам: «Наука, построенная на принципе связи, а не причинности, избавляет нас от дурной бесконечности эволюционной теории, не говоря уже о ее вульгарном прихвостне – теории прогресса. Движение бесконечной цепи явлений, без начала и конца, есть именно дурная бесконечность, ничего не говорящая уму, ищущему единства и связи, усыпляющая научную мысль легким и доступным эволюционизмом, дающим правду, видимую научного общения, но ценой отказа от всякого синтеза и внутреннего строя» [12].

При этом, как справедливо заметил М.С. Каган, если речь идет о непосредственном отношении рассматриваемого объекта к потребностям субъекта, то следует говорить о полезности и выгоде. Если же это отношение является опосредованным, – это называется ценностным отношением.

Пушкин высказал следующую мысль:

...Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.

В каком случае «истине» предпочитают «обман»? Когда «истина» *низкая*, а «обман» – *возвышающий*. Но у Пушкина акценты расставлены так, что «обман» рассматривается как бескорыстная иллюзия, увлечение, которому доверил себя, позволил себя унести на время, понимания, что от «истины» здравого рассудка никуда не денешься, придется к ним рано или поздно возвратиться. Обманчивые иллюзии, мечты уносят нас в возвышенный мир грез и надежд, которые в любом случае более дороги, нежели мир трезвого рассудка. При это речь не идет об альтернативе «или – ли». Мир трезвого рассудка, разумеется, также необходим, как необходимы иллюзии и надежды. Просто они выполняют разные задачи, ведут к различным целям. Следовательно, можно утверждать, что телеологический критерий применим в большой степени к пониманию достоверности, но меньше подходит к трактовке истинности.

Различают объективную и субъективную достоверность. Объективная достоверность лежит в основе рационального научного знания. При этом предполагается, что подтвердить это знание могут многие люди, которые могут выступать в качестве непредвзятых «судей», незаинтересованных свидетелей. В основе иррационального знания лежит субъективная достоверность. Это такое знание, которое не могут подтвердить посторонние, свидетели. Например, если мы спросим у верующего: «Есть ли Бог?» Он ответит: «Конечно, есть». «А откуда ты знаешь, что он есть?» «Знаю, потому что я с ним контактирую, ощущаю его присутствие, он мне помогает». Можно ли проверить, действительно ли он ощущает его присутствие, или все выдумывает? Мы проверить не сможем, ибо это субъективно достоверное знание, но для него это знание о контакте с Богом является вполне достоверным.

Таким образом, если в естественных и технических науках вероятностное знание оценивается невысоко и его, как правило, не учитывают в теоретических построениях, то в гуманитарных науках оно имеет право на существование в качестве достаточно важной базы для оптимизирования духовной атмосферы общества. При этом отдельного обсуждения заслуживает вопрос о характере достоверности такого знания [13].

Работа выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности (проект «Создание и развитие деятельности НОЦ по изучению и использованию историко-культурного наследия Европейского Севера»)

Литература

1. Фритт, К. Мозг и душа [Текст] / К. Фритт. – М.: 2010. – С. 22.

2. Гайденок, П. П. Декарт [Текст] // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 1. – С. 612.
3. Кант, И. Соч. : в 6 т. [Текст] / И. Кант. – М. : Мысль, 1964. – Т. 2. – С. 265.
4. Кант, И. Соч. : в 6 т. [Текст] / И. Кант. – М. : Мысль, 1964. – Т. 3. – С. 673.
5. Кант, И. Соч. : в 6 т. [Текст] / И. Кант. – М. : Мысль, 1964. – Т. 3. – С. 675.
6. Воройский, Ф.С. Информатика [Текст]: энцикл. слов-справ. / Ф.С. Воройский. – М., 2006. – С. 29.
7. Ивин, А. Основы теории аргументации [Текст] / А. Ивин. – М. 1997.
8. Гёффдинг Г. Психологическая основа логических суждений [Текст] / Г. Гёффдинг. – М., 2007.
8. Скляр, А.Ю. Основы физики духа [Текст] / А.Ю. Скляр. – М. 2000. – С. 11.
9. Геворкян Г.А. Вероятное и достоверное знание [Текст] / Г.А. Геворкян. – Ереван, 1965. – С. 134.
10. Аристотель. Поэтика [Текст] // Соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 655.
11. Структурализм: за и против [Текст]. – М., 1975. – С. 456-457.
12. Мандельштам, О.Э. О природе слова [Текст] // Соч. : в 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 173.
13. Пивоев, В.М. Субъективная достоверность и ее критерии [Текст] / // Ученые записки Петрозаводского университета. – 2010. – № 1(106). – С. 72-78. – (Серия «Общественные и гуманитарные науки»).

ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА АНОМИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

**О.В. Пилипчук,
г. Новосибирск, Российская Федерация**

Анализ современных социальных процессов, состояния неопределенности ситуации и неустойчивости общества, заставляет исследователей все чаще обращаться к теории аномии. Термин «аномия» образован от греч. *α* – отрицание и *nomos* – закон, от англ. *anomy* и фр. *anomie* – отсутствие закона, организации. «Аномия» как социологическое и философское понятие используется для обозначения состояния общества, при котором отсутствие или неустойчивость регулирующих отношений между индивидами и обществом императивов и правил приводит к тому, что большинство населения оказывается «вне» общества, вступая в конфронтацию с ним.

Феномен аномии в современном обществе рассматривается учеными преимущественно с двух позиций. Первая позиция основывается на внешних изменениях, переходе от одного экономического и политического состояния общества к другому, которое в свою очередь влияет на мышление человека и формирует чувство неудовлетворенности. Вторая позиция предполагает обращение к природе человека, к его личности и к изменениям, происходящим внутри человека в период глобальных изменений.

Объединяющим началом двух точек зрения можно считать появление внутреннего чувства неудовлетворенности, как у отдельного человека, так и в обществе в целом, что в свою очередь является неотъемлемой частью аномии.

Интересную позицию, по поводу появления неудовлетворенности в обществе и, как следствие, возникающих аномийных проявлений и конфликтов высказал У. Бек в своей книге «Общество риска». Он рассматривал критическое состояние общества в рамках перехода от индустриализации, а также те неизбежные последствия, которые достигают развивающееся общество в условиях этого перехода

к модернизации и в процессе ее. Он выделяет различные ситуации риска, приводящие к росту неудовлетворенности. У. Бек пишет, что «риски являются сопутствующим продуктом модернизации и производятся в таком изобилии, что их желательно или устранять, или отрицать, переосмысливать» [1, с. 30]. Это риски, связанные с распределением вредных веществ, ухудшающейся экологической ситуацией и пр., выдвигающие вперед те опасности, которые человек порой не ощущает и не видит, но которые могут сказаться на здоровье его потомков, и приводит его к эмоциональному напряжению. Ситуация еще усложняется благодаря различным как природным, так и техническим катастрофам. При этом можно наблюдать также постоянные споры и дискуссии ученых, где каждая точка зрения поддерживается с помощью указаний на возможные риски. По этому поводу Бек пишет, что «социальное воздействие определений риска не зависит от их научной состоятельности» [1, с. 37].

Влияние рисков на общее состояние общества также обуславливается тем, что они активизируют будущее, а не состоявшееся событие. Риски, а именно тяжесть их аргументов, формируют ощущение надвигающейся угрозы, разрушений, дискомфорта, ощущения тревоги и пр.

Таким образом, в ходе модернизационных изменений появление рисков уже нельзя осмыслить, используя только классовые категории. Это более широкий и глубокий процесс. Тем не менее, Бек отмечает, что конфликты, связанные с модернизационными рисками возникают по причине системного характера, которые совпадают с движущей силой прогресса и прибыли. Вспыхивающие конфликты принимают характер цивилизованной борьбы за правильный путь в будущее [1, с. 47].

С точки зрения социальных изменений,